

ЭЖЕН ИОНЕСКО:

Эта престранная феерия—жизнь

Написав в 50-е годы свои первые короткие пьесы, Эжен Ионеско, сам того не подозревая, стал родоначальником «театра абсурда» — нового литературного жанра, суть которого состоит в комическо-гротескном изображении действительности как некоего иллюзорного мира, где отсутствуют логические связи и смысл. Интерес, который вслед за шоком и недоумением вызвали эти и последующие его произведения на Западе, объяснялся тем, что они касались болевых точек общества — некоммуникабельности, замены подлинных ценностей мнимыми, неспособности людей отличить зло от добра и т. д. Позднее драматург, направив свой поиск в сторону сложных философских проблем, «одолеть» которые был не в состоянии, испытал творческий кризис; его пьесы, утратив прежнюю легкость и наивность, перестали притягивать зрителя. Однако лучшие из вещей Ионеско продолжают пользоваться популярностью, к ним — уже как к своему рода классике — постоянно возвращаются режиссеры.

Пьер МАРКАБРИО

«ПУЭН», ПАРИЖ.

16 МАЯ 1950 года небольшая группа парижан собралась у входа в крохотный «Театр де Ноктамбюль» («Театр Полночников») на улице Шампольона. В тот вечер здесь играли «Лысую певичку» — первое сочинение некоего «офранцузившегося румына» Эжена Ионеско, о котором никто ничего раньше не слышал.

Сам драматург выглядел до удивления робким и внешне совсем непривлекательным. Через несколько лет тот же самый невысокий человек с застенчивым взглядом из-под тяжелых век, облачившись в зеленый мундир и треугольную шляпу, вошел полноправным членом во Французскую академию, чем вызвал немалый шум.

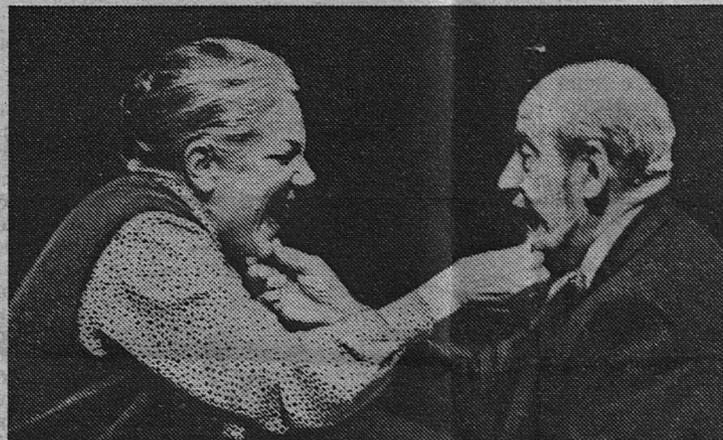
В промежутке между этими двумя событиями, не мудрствуя лукаво и словно забавы ради, он написал несколько других пьес, окрещенных «абсурдными», которые шли с переменным успехом по всему миру, оказывая заметное влияние на многих литераторов.

Сегодня Эжен Ионеско пользуется всеобщим признанием как один из самых оригинальных послевоенных драматургов. И, однако же, это ни на йоту не изменило ни его неброского облика, ни

старых привычек, любимая которых — совершать ежедневные прогулки по улочкам Монпарнаса. Ничто не позволяет случайному прохожему обнаружить в нем литератора, знаменитость. Ионеско абсолютно под стать своим персонажам — анонимный и уникальный одновременно...

судя по всему, жизнь представляется необъяснимой, запутанной шуткой.

Но вернемся в «Театр де Ноктамбюль», в ту весну 1950 года, когда на суд недоумевающей публики была представлена пьеса «Лысая певичка». Поскольку никакой певички вообще, а уж тем более лысой, на сцене не было,

Сцена из спектакля «Стуľя» в исполнении Пьера Дюкса и Дениз Жанс.

Фото «Экспресс», Париж.

Спектакль по старой пьесе «Стуľя», который поставил недавно «Театр де ля Коллин», а также публикация написанной в форме дневника книги-раздумья «Прерывистый поиск» сегодня вновь освещают ярким светом этого сроднившегося с тенью писателя, которому,

а были лишь две английские семьи, в каждой из которых велись с умным видом пустейшие беседы, будто переписанные из разговорника для изучающих иностранный язык, критика, обычно относящаяся к новому терпимо и с пониманием, на сей раз сильно рассердилась. А по-

«НУВЕЛЬ ОБСЕРВАТЁР», ПАРИЖ.

— БЫЛИ ЛИ ВЫ рады, узнав, что после очень большого перерыва на парижской сцене вновь пойдут ваши «Стуľя»!

— Конечно, я был рад. И кроме того, заинтригован: мне всегда не терпится узнать, что на сей раз останется от моей пьесы. Кстати, мои пьесы, как и все настоящие произведения, предназначенные для театра, содержат в себе необходимые авторские указания для постановки. Режиссерам остается

ле того, как год спустя ей была показана вторая пьеса, «Урок», где изображен учитель, убивающий своих учеников, она буквально рассвирепела. Пошла череда непониманий и недоразумений, которые будут преследовать драматурга, как назойливые мухи.

Каждый «толковал» Ионеско по-своему — одни воспринимали его как шарлатана, другие видели в нем автора водевилей, последователя Лабиша. А некоторые объявили его «опасным румынским анархистом», специально занятым подрывом языка как «основы буржуазного общества».

Ионеско не возражал, не протестовал и продолжал писать в жанре, который можно назвать «простодушным реализмом». Мужчина и женщина больше не любят друг друга, но упорно продолжают нести груз совместной жизни («Амедей», или Как от него избавиться); молодому человеку нелегко жениться на

ВСЕГО ЛИШЬ ШЕПОТ ВНУТРИ СЕБЯ...

только обратить на это внимание. Но они предпочитают «вокруг» уже написанной вещи создавать под предлогом «особого видения» другую — свою собственную.

— Какова главная тема «Стуľя»!

— Ирреальность реального мира. Пустующие стулья, обступившие со всех сторон супружескую чету, — это «знак отсутствия». Рядом с двумя стариками никого нет, рядом с нами — никого нет, в этом ускользающем, неуловимом мире — никого! Они сами, эти двое, почти не существуют — только передагают стулья с места на место, постоянно сожалея по поводу непришедших

избраннице сердца, поскольку семья противится этому браку («Жак, или Покорность»); два совершенно одиноких старика ждут гостей, которые не придут («Стуľя») ... Все эти избитые сюжеты, которыми долгое время успешно «промышляли» буржуазные авторы, обретали у Ионеско совершенно особый смысл и оригинальность. Он умел вложить в них свое удивление, свежесть детского восприятия, свободу фантазии, и от банальности не оставалось ничего конкретного. Подобно мальчику, заметившему, что король гол, Ионеско различал необычное, безумное в обыденном и «нормальном», а затем делал его видимым для наших глаз.

Удивление — первый шаг к философствованию. Начав удивляться, Ионеско неизбежно должен был вскоре начать «вопрошатель мир». А поскольку мир с ответами не торопился, он испытал панику и, словно ребенок, поющий в темноте, чтобы заглу-